

УДК 398.22

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-175-180

Людмила Санжибоевна Дампилова,*доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: dampilova_luda@rambler.ru*

Семантика этноментальных оронимов в эпосе монгольских народов

Целью данного исследования является выявление семантики оронима *Алтай* на основе формульных выражений, встречающихся в эпосе монгольских народов, в сравнительном аспекте. В общем методологическом аспекте работа базируется на теории художественных констант В. М. Гацака. Определение функций одного пространственного тематического образа *Алтай* как повторяющейся микроконстанты определяет не только его многозначность, но исторические, этнографические и культурные особенности монгольских народов. В результате исследования установлены устойчивость и вариативность доминантной единицы *Алтай*, представляющей собой стержневой элемент эпического повествования. Повтор константной единицы *Алтай* занимает одну из главных позиций в пространственном ориентире, определяя типологическое своеобразие эпоса монгольских народов. Определено, что ороним *Алтай* в зависимости от контекста имеет разное семантическое наполнение, фиксируя обобщённое пространство вселенной, всей земли, отдельного родного края, государства, горного массива. Будучи элементом коммуникативного стереотипа, подобные формульные выражения выявляют значимые характеристики текста, специальным образом закреплённые и структурированные моменты в семантике текста. Константная единица *Алтай*, имея этнический характер, наиболее ярко высвечивает национальную специфику фольклорного текста.

Ключевые слова: эпос, константы, формула, топоним, *Алтай*, пространство, гора

Введение. В современной отечественной фольклористике особое внимание уделяется проблеме систематизации богатейшего фольклорного материала. В этой области выделяется систематизация массива типических мест и системное описание этнопоэтических констант в фольклорном тексте. Общность культурного наследия монгольских народов (мифология, фольклор, религия, древняя литература) способствует выявлению традиционных концептов и семантики единых архетипических образов. В данном случае актуально не только постичь общую смысловую парадигму дискурса, но и посредством одного образа, устойчивой модели раскрыть семантику архаического кодового слова.

Методология и методы исследования. В общем методологическом аспекте работа базируется на теории художественных констант В. М. Гацака [3]. Для исследователей фольклора тюрко-монгольских народов особое значение имеет работа Е. Н. Кузьминой «Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири» [5]. Объектом нашего исследования является поэтико-стилевая единица, отличающаяся в фольклорном тексте константностью и самостоятельностью. «Обнаружение констант на уровне сюжета, мотива, формульных сочетаний и отдельных лексем, возможно, позволит нам объяснить закономерность устойчивости слагаемых эпического повествования» [7, с. 6]. Целью данно-

го исследования является выявление семантики оронима *Алтай* на основе формульных выражений, встречающихся в эпосе монгольских народов, в сравнительном аспекте. Также при анализе текстов особо востребованы герменевтический и структурный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В корпусе текста выделяются тематические разделы по их основным коммуникативным и образно-выразительным функциям при выявлении константных единиц. Выявление функции одного пространственного тематического образа «Алтай» как повторяющейся и постоянной микроконстанты определяет не только его многозначность, но исторические, этнографические и культурные особенности монгольских народов.

Эпос монгольских народов традиционно начинается с трафаретного зачина и завершается эпилогом. Зачин – формульная вступительная часть, являющаяся одним из приёмов сложения эпических текстов. Восходя к древним ритуальным мифам, зачин выступает в роли стилистического введения. В эпосе трафаретно вступление начинается с мифического безвременья, тем самым подчёркивая условность происходящих событий: «Когда широкая Замби-Земля / Жирным слоем покрыта была» *Улгун замби дайдая / Нэмшигэрхэн байхада* [4, с. 6]. Наравне со словом земля как синоним зачастую указывается ороним *Алтай*:

Алтай замби тивийн ор нь
 Аягын чинээ байх л цагт л
 Дэлхэй замби товийн орч нь
 Дэлтрийн чинээ байх л цагт л
 Гадаад далайн ховоо
 Шалчиг балчиг *байх л уед*.

Во времена, когда земля Алтая
 С чашечку была,
 Во времена, когда земля,
 Как шуба, мала была,
 Воды внешнего моря,
 Как лужи, ещё были. [13, с. 32]

В приведённом ойрат-монгольском эпосе ороним Алтай употребляется в значении всего земного пространства. Устойчивое сочетание «великая земля Алтая» встречается в многообразных вариациях с разным семантическим наполнением, но более всего связано с горным ландшафтом.

Лексическое значение слова *алтай* изучали известные монголоеды и тюркологи, одни авторы видят в термине *алтай* сочетание слов *алаг тау* – «пёстрые горы», другие предполагают сочетание слов *ал тайга* – «высокие горы». В. В. Бартольд отмечает: «Древнейшее тюркское название для Южного Алтая – *Алтын-йыш* “золотая чернь”; эта горная цепь иногда называется в научной литературе именем *Эктаг*, происходящим из записок греческих путешественников VI века н. э., однако, по новейшим исследованиям, упоминаемые греками горы следует искать не на Алтае, а в Тянь-Шане. Если нынешнее название также восходит к слову, означавшему “золото”, то это может быть только *алтан* или *алта*» [2, с. 100]. Е. В. Сундуева выделяет признак «возвышающийся, выпуклый» в корне **alt* оронима *Алтай*, сближая его с другими оронимами *Алханай* и *Ольхон* [6, с. 5–13].

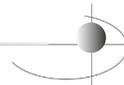
Перед началом исполнения эпического текста монгольские сказители предварительно произносят «Восхваление Алтаю» (урянх. *Алтайн магтаал*), (баят. *Алтай хайлах*). Зачин ойратского (дербетского) эпоса «Холодный Зориг-нойон с воздушным чёрным конём» (*Хий хар морьтой Хүйтэн Зориг ноён*) начинается со вступительного гимна «Восхваление северных тринадцать Алтаев» (*Арын арван гурван Алтайн магтаал*), в котором Алтай раскрывается как богатая и привольная родина главного героя: «С родиной в тринадцать Алтаев, / Двадцать четыре Хангая, / Тридцать три Хухэя» (*Арван гурван Алтай, / Хорин дүрвэн Хангай, / Гучин гурван Хөхийн нутагтай*) [15, с. 237].

Как известно, цифра «тринадцать», тесно связанная с обрядовыми событиями, в монгольском мире имеет сакральное значение. По мифологии монгольских народов, Алтай как божественное пространство имеет одного главного хозяина и тринадцать духов

тринадцати вершин. Ойраты устанавливают тринадцать *обо* (по количеству священных вершин Алтая) [8, с. 40]. Алтайские урянхайцы готовят тринадцать курильниц (*Алтайн арбан гурбан сан*) в честь тринадцати святых [Там же, с. 36]. Возможно, в нашем случае универсальная для обрядовых событий кодовая цифра естественно переносится на самый почитаемый родной локус.

В воспеваниях наравне с Алтаем трафаретно упоминается ороним *Хангай*, представляя конструкции, дублирующие друг друга с единым семантическим значением: «Плодородные, могучие, богатые седые / Алтай и Хангай» (*Өнтэй хүдэр баяхан буурал / Алтай Хангай хоёр*) [14, с. 31]. Семантика слов *алтай*, *хангай* и *хухэй* близка по смыслу и зачастую имеет обобщённое значение, обозначая возвышенные горные массивы. Хотя лексемы *алтай*, *хангай* и *хөхий* обозначают реальные орографические объекты (Алтайский хребет, Хангайский хребет, отрог Хан-Хөхий в Хангайском хребте, Хухуй-Мундарга в Бурятии), в эпосе они настолько часто упоминаются, что затруднительно выделить как конкретную местность. Интересно обратить внимание на двойные цифровые характеристики горных массивов в эпических текстах. Складывается впечатление, что обозначения «двадцать четыре Хангая» и «тридцать три Хухэя» в эпическом тексте являются стилистическими клише, семантика их различается числами, соответствующими эпическому размеру и слогу.

В монгольских эпосах алтайское пространство, выступая реальным земным локусом, является многолюдным краем одного правителя: «Ханом высокой богатой местности алтая и хангая / Был трёхлетний Бум-Эрдэни» (*Өндөр баян алтаа хангаа нутгийн / Гурван настаа Бум Эрдэнэ биллаа*) [10, с. 68]. В этих примерах семантика оронима *Алтай* сужается до определённого пространства, маркируя государственные пределы одного ханства. Однозначно во всех текстах монгольских народов пространство вокруг Алтая является ярким маркером своего родного локуса: «Из привольных алтайских кочевий / Отправился в очень далёкие земли» (*Алтай өргөн нутгаасаа / Асар их хол газар*) *гарч* [16, с. 172].

В бурятских текстах ороним Алтай встречается множество раз именно в обозначении своего пространства, так, например, в эпосе «Абай Гэсэр-хубун» («Великая земля моя Алтай») словосочетание Алтай *ехэ дайдам* [1, с. 1, 85; 89; 116; 119; 128] рефреном проходит через весь текст. Необходимо отметить, что семантика этого слова иногда имеет двойственный характер. Ороним *Алтай* может обозначать как широкое земное пространство, так и пространство вокруг Алтайских гор, называемое великой землёй: «Он направил его [коня] / На великую землю Алтая» (*Алтай ехэ дайда тээшээ / Харуулхан биеэрээ*) [Там же, с. 1, 141].

В эпосе монгольских народов можно проследить широкий спектр обозначений форм возвышенного рельефа, подчёркивающий значимость обжитого и знакомого пространства. В синьцзянском эпосе «Жангр» Алтай населён с точным указанием местонахождения: «Есть пятимиллионный нутук Ширк / У западного подножия Алтая» (*Тоһс Алтан барун сууд нутгалсн / Эзн Ширкин тавн сай нутг бөөдэ*) [12, с. 79]. Если в этом эпосе указывается подножие горы, то в урянхайском эпосе «Наран-хан молодец, северный сирота Яргай» (*Наран хаан хүү, Арын өнчин Яргай*) отмечается чёрная гора с тремя хребтами как его конкретное место проживания: «С алтайскими тремя сплетёнными / Чёрными горами родиной» (*Алтайн гурван гүрмэл / Хар уул*

*Далан Алтай уул арайгаад
Цасан зоотай табин шил цайлзаад
Мөсөн мөргөтэй наян сүвт луулын ам!
Гилавхийгайд байдаг.*

Не менее часто по ходу движения сюжета в эпических текстах с небольшими стилистическими изменениями встречаются формульные выражения, в которых ороним *Алтай* однозначно обозначает именно Алтайские горы, предназначенные для охоты: «Изобилующий дичью, привольный / Алтай мой» (*Антай арвин уужам / Алтай минь*) [14, с. 32]. В бурятских эпических текстах формульные выражения, касающиеся Алтая, однотипны, и в основном они обозначают богатое место для охоты главного героя и обильное пастбище для его богатырского коня. «На Алтае охотился он, / На Хухэе по лесу ходил» (*Алтайя агнаба, / Хүхэйдөө хүбшэлбэ*) [1, с. 1, 88]; «На Алтай отправляйся, / Нагуливай жиру полней», *Алтайда гарша / Атар таргуй таргала* [Там же, с. 1, 42, 131].

В большом гимне «Восхваление Алтая и Хангая» (*Алтай Хангайн магтаал*) в

нутагтай) [15, с. 366]. Горные хребты в монгольском мире зачастую обозначаются словом *гээгэ* «коса». Думается, в нашем случае под словом *гүрмэл* – «плетёный», коннотативно связанным со словом «коса», подразумевается также горный хребет. В следующем примере указывается верхняя часть горы, но другой лексемой: «Алтайский гребень / Заполонившие / Пестрые табуны имеющий» (*Алтайн эхэн шилээр / Дүүрч өсгөсөн / Алаг бараан адуутай*) [15, с. 366]. Алтайские горы, расположенные на территории нескольких государств, и в эпосах монгольских народов имеют свои географические отличия. Необходимо подчеркнуть, что в статье рассматривается только пространство монгольского Алтая.

Алтайские горы и пространство вокруг гор в этнопоэтических константах обозначает богатый и привольный край: «Пестрой масти десяти тысячный табун, / Заполняющий Алтай» (*Алтай дүүрэн арван түмэн / Алаг баран адуу*) [16, с. 171]. Метафорически красочно описывается природное богатство родины: «Родниковые воды волной пуская, / Тальниковые деревья раскачивая, / Просторные отроги его / Издали виднеются» (*Булгийн усыг долгиуулж байдаг / Бургас модыг ганхуулж байдаг / Булжим уужам тохойнууд нь / Дунхийлдэж байдаг*) [14, с. 32–33]. В ойрат-монгольском эпосе «Бум Эрдэни» отдельно рисуется величественный горный пейзаж:

Семьдесят Алтайских гор сияют,
Пятьдесят снежных гребней сверкают,
Восемьдесят падей с ледяными краями блещут.
[10, с. 61]

540 строк собраны описания всех богатств Алтая и Хангая в единый текст. Воспевание трафаретно начинается со времени творения мира на земле. Далее с многократным повтором следующих строк: «Такой красивый, богатый, / Могущественный / Хан Алтай и Хангай родина моя» (*Йимэл сайхан баян / Хүдэр хүрэн / Хан алтай хангай хоёр нутаг минь*) [9, с. 12–13] – описывается богатство домашним скотом, дикими зверями, растительным миром, ручьями и источниками, драгоценными камнями с описанием всего разнообразия ландшафта и времён года. Текст выстроен логически последовательно и полно, думается, что это вторичная собранная из разных вариантов письменная версия.

Реальная пейзажная и панорамная картина жизни на Алтае как сакрального объекта может приобретать мифологические черты: «Алтай, где пожилые люди молодеют, / Ал-

тай, где на засохших деревьях листья распускаются» (*Өтөлсөн амьтан залуужаад байдаг Алтай гэнэ / Хувхай модноос навч нь дэглээрээд байдаг Алтай гэнэ*) [14, с. 41]. Признаки вечной жизни на земле могут быть в определённом божественном пространстве

*Алтайн алтан
Сүмбэр уулынхаа
Орой дээр гараад
Арван зүгтээ харав гэнээ.*

Эпический герой может посещать верхний мир, гора Меру (Сумеру) находящаяся в центре вселенной, где живут небожители, оказывается «в краю Алтай», и в этом случае ороним *Алтай*, расширяя свои границы, обозначает и всю вселенную. Следует обратить внимание на то, что эпитетные характеристики края Алтай как местности соответствуют характеристике мифологического хозяина горы. Таким образом, повторение доминантного ключевого слова и вариации контекста в различных комбинациях уточняет значение образа и выявляет его многообразие.

Необходимо дополнить, что устойчивые константные единицы с ключевым словом *Алтай* используются во всех фольклорных жанрах с едиными семантическими функциями. Так, например, в монгольских обрядовых церемониальных песнях образ Алтая образует сакральный комплекс, где природные богатства соединены с религиозными буддийскими атрибутами: «С камнями, состоящими из золота, / С водой-аршаном / Такой прекрасный Алтай» (*Алтаар бүрдэгсэн чолутай / Аршаагаар урсагсан уста / Тийм сайхан Алтаа*) [11, с.19]; «Квадратный большой Алтай / С четырёх сторон с воскурениями» (*Дөрвөлжин ик Алтаа / Дөрвөн талдаа сантай*) [Там же, с. 21]. Вызывает особый ин-

терес то, что в бурятском эпосе мифическая гора Сумеру находится на площади Алтая, т. е. наблюдается контаминация реального и мифологического миров, что естественно для эпических текстов:

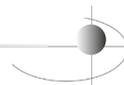
Взобравшись на вершину
Золотистой горы Сумеру
В краю Алтай,
Обозрел десять сторон (света). [1, с. 48]

терес то, что в бурятских сказках, записанных нами у шэнэхэнских бурят, сохранивших более древние версии, главный герой назван сакральным именем почитаемой горы: «Жил Алтай Сумбэр Богдоху, родившийся владеть юго-восточной стороной» (*Зүүн урда зүгые эзэлэнхэн түрэгшэ Алтай Сүмбэр Богдохуу гэжэ байбалтай*)¹.

Заключение. Итак, мы выявили устойчивость и вариативность доминантной единицы *Алтай*, которая представляет собой стержневой элемент эпического повествования. Повтор константной единицы *Алтай* занимает одну из главных позиций в пространственном ориентире, определяя типологическое своеобразие эпоса монгольских народов. В итоге исследования приходим к выводу, что ороним *Алтай* в зависимости от контекста имеет разное значение, фиксируя обобщённое пространство вселенной, всей земли, отдельного родного края, государства, горного массива. Будучи элементом коммуникативного стереотипа, подобные формульные выражения выявляют значимые характеристики текста, специальным образом закреплённые и структурированные моменты в семантике текста. Константная единица *Алтай*, имея этнический характер, наиболее ярко высвечивает национальную специфику фольклорного текста.

Список литературы

1. Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. Ч. 1. 230 с.
2. Бартольд В. В. Сочинения. М.: Наука, 1963. Т. 2, ч. 1. 831 с.
3. Гацак В. М. Пространства этнопоэтических констант // Народная культура Сибири. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. С 109–112.
4. Еренсей. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 207 с.
5. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1983 с.
6. Сундуева Е. В. Топонимия Ольхона и Приольхонья. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 128 с.
7. Хабунова Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
8. Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.
9. Алтай Хангайн магтаал // Монгол тууль-I / ред. Д. Цэрэнсодном. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д хэвлэл, 2013. 5–20 х.

10. Бум Эрдэнэ // Алдарт туульч М. Парчины туульс / ред. Х. Сампилдэндэв. Улаанбаатар: Бемби Сан, 2006. 55–157 х.
11. Дөрвөд ардын дуу. Улаанбаатар, 2015. 296 х.
12. Жаңһр. Шинжъянгин өөрд-моңһлын баатрһг дуулвр. I боть. Элст: Джангар, 2005. 856 х.
13. Катуу Б. Торгууд захчин ардын тууль, үлгэр. Ховд, 1991. 200 х.
14. Монгол ардын баатарлаг тууль. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. 166 х.
15. Ойрод монголын баатарлаг тууль. Улаанбаатар: Арвай Бархан ХХК-д хэвлэл, 2011. 444 х.
16. Хан Харангуй // Монгол урианхайн аман зохиол / ред. Д. Цэрэнсодном. Улаанбаатар: Аривиин судар, 2011. 168–270 х.

Статья поступила в редакцию 10.12.2017; принята к публикации 16.01.2018

Библиографическое описание статьи

Дампилова Л. С. Семантика этноментальных оронимов в эпосе монгольских народов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 175–180. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-175-180.

Lyudmila S. Dampilova,

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 6670041, Russia),
e-mail: dampilova_luda@rambler.ru*

Semantics of Ethnomental Oronyms in Epos of the Mongolian People

Objective of this research is revealing the semantics of an oronym Altai on the basis of the formula expressions which are found in the epos of the Mongolian people, in comparative aspect. In the general methodological aspect, the paper is based on the theory of art constants of V. M. Gatsak. Definition of functions of spatial thematic image Altai as the repeating microconstant reflects not only its polysemy, but historical, ethnographic and cultural features of the Mongolian people. In result of research, the author reveals stability and variability of the dominant unit Altai, which is a basic element of the epic narration. Repetition of a constant unit Altai occupies one of the main positions in a spatial reference point, defining a typological originality of the epos of the Mongolian people. It is defined that oronym Altai depending on a context has different meanings, fixing the generalized space of the Universe, the whole earth, certain native land, a state, a ridge. Being an element of a communicative stereotype, such formula expressions present the significant characteristics of the text, in a special way fixed and the structured moments in semantics of the text. Constant unit Altai, having ethnic character, most brightly reflects national specifics of the folklore text.

Keywords: epos, constants, formula, toponym, Altai, space, mountain

References

1. Abaj Geser-hubun. Epic. (Ehirit-Bulagat variation). Ch. I. Ulan-Ude: Burjat. kn. izd-vo, 1961. (In Buryat and Rus.)
2. Bartol'd, V. V. Written works. Vol. II, p. 1. M.: Nauka, 1963. (In Rus.)
3. Gacak, V. M. Spaces of ethnopoetic constants in Folklife culture of Siberia. Omsk: Izd-vo Om. gos. ped. un-ta, 1999: 109–112. (In Rus.)
4. Erensej. Ulan-Ude: Burjat. kn. izd-vo, 1968. (In Buryat and Rus.)
5. Kuz'mina, E. N. Index of typical places of the heroic epos of the people of Siberia. Novosibirsk: Izd-vo SB RAS, 2005. (In Rus.)
6. Sundueva, E. V. Toponymy of Olkhon and Priolkhonye. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SB RAS, 2000. (In Rus.)
7. Habunova, E. E. Heroic epos "Dzhangar": poetic constants of heroic life cycle (comparative studying of national versions). Rostov n/D: Izd-vo SKNC VSh, 2006. (In Rus.)
8. Erdenebold, L. Traditional beliefs of Oyrad-Mongols (the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries). Ulan-Ude: Izd-vo BNC SB RAS, 2012. (In Rus.)
9. Altaj Hangajн magtaal in D. Cerensodnom, editor Mongol tuul'. Ulaanbaatar: Sojombo printing HHK-d hevlel, 2013: 5–20. (In Mongolian)
10. Bum Erdene in H. Sampildendev, editor Famous tuulch M. Parchin's epos. Ulaanbaatar: Bembi San, 2006: 55–157 (In Mongolian)
11. Derbet folk songs. Ulaanbaatar, 2015. (In Mongolian)
12. Dzhangar. Heroic epos of Oyrad-Mongols of Xinjiang. I bot'. Jelst: APP "Dzhangar", 2005. (In Kalmyk)
13. Katuu, B. Epos of Torguts and Zahchins. Hovd, 1991. (In Mongolian)

-
14. Mongolian heroic epos. Ulaanbaatar: Ulsyn hevleijn gazar, 1982. (In Mongolian)
 15. Heroic epos of Oyrad-Mongols. Ulaanbaatar: Arvaj Barhan HHK-d hevlel, 2011. (In Mongolian)
 16. Han Haranguj in D. Cerensodnom, editor Folklore of Mongolian Urianhais. Ulaanbaatar: Ariviin sudar, 2011: 168–270. (In Mongolian)

Received: December 10, 2017; accepted for publication January 16, 2018

Reference to the article

Dampilova L. S. Semantics of Ethnomental Oronyms in Epos of the Mongolian People // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No.1. PP. 175–180. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-1-175-180.
